

ХУДОЖНИК АНАТОЛИЙ ЗВЕРЕВ

Живописный почерк и образ жизни Анатолия Зверева настолько взаимосвязаны, что с трудом допускают обособленный анализ того или другого. Вместе с тем, начиная искусствоведческий разговор о художнике, необходимо ограничиться лишь одним из возможных "ракурсов" или способов взгляда, поскольку охватить феномен Зверева в границах одной статьи все равно невозможно. К тому же говорить о Звереве-человеке - наверно, привилегия лично его знавших, да и то лишь тех, с кем он был действительно близок (а таковых не столь уж много!). Лишь они имеют право на "мемуарное портретирование" этого виртуозного портретиста, взорвавшего традиционное понимание жанров живописи. Конечно, для всех ценителей творчества Зверева весьма желательным было бы появление совокупного свода воспоминаний о нем. Это, в частности, явилось бы альтернативой тем тенденциям "канонизированной" приглаженности, которая уже наметилась в трактовке творчества художника и его судьбы. Ведь всем, кому хотя бы отчасти памятен Зверев, ясно, что его образ при жизни, при всем внешнем неблагополучии, при всех жизненных противоречиях, а подчас и вызывающих проявлениях, был в полную меру личным выбором. Судьба Зверева, с ее диссонансами и неправильностями, неотторжима от неистовой стихии его авторского почерка. И если бы участь этого человека была иной, перед нами предстал бы совсем другой художник. Его путь был во многом вызовом обывательскому "здравому смыслу", он одним из первых предпочел участь "выпавшего" из официальной культуры и превратил это "выпадение" в дерзкую демонстрацию перед преуспевающими, признанными собратьями. Однако личность Зверева - это тема для будущих биографов. Потому, предваряя заведомо условную попытку искусствоведчески "отстраненного" осмысления его наследия, обратимся к собственным, 1985 года, воспоминаниям художника об основных событиях его жизни.

"Год моего рождения - 1931, день рождения - 3 ноября. Отец - инвалид гражданской войны, мать - рабочая. Учился очень неровно и имел оценки всякие: по отдельным предметам или "отлично", или контрастное "два". Впоследствии мне удалось каким-то образом окончить семилетку и получить неполное среднее образование, чем и гордился перед самим собой, кажется, больше, нежели перед другими. Детство в основном проходило дико, сумбурно. . . Желаний почти что никаких, кажется, не было. Что же касается искусства рисования, то художником я не мечтал быть. Но очень часто хотелось и мечталось, чтобы троюродный брат рисовал мне всегда коня. Тем не менее рисование мне, по-видимому, удавалось, и впоследствии оно так или иначе прижилось. Когда был в пионерском лагере, не стесняясь могу сказать - создал шедевр на удивление руководителя кружка: "Чайная роза, или шиповник", а когда мне было пять лет (еще до упомянутого случая), изобразил "Уличное движение" по памяти, в избирательном участке, где до войны детям за столиками выдавались цветные карандаши и листы бумаги для рисования. Что касается дальнейшего моего рисования - началась Отечественная война. Всех стали эвакуировать, кого куда. Я вместе с двумя сестрами, отцом и матерью оказался в Тамбовской области. Конечно же, рисования никакого не было, да и не могло быть... В Москве, когда мы приехали по окончании войны, люди жили еще по карточкам - "талонам", на пайке, в нужде. А рисование продолжалось из-за случайностей: например, из газеты "Советский спорт" - "Острый момент у ворот московского "Спартака". В моем альбомчике появились рисунки черной тушью, исполненные пером после длительного перерыва в сорок пятом-сорок шестом году. Затем - рисование, живопись, лепка, занятия гравюрой (по линолеуму), выжигание по дереву в двух парках "Сокольники" и "Измайлово", в их летних городках. Затем - в двух домах пионеров... Потом (тоже случайно) учился и закончил ремесленное училище (два года), ну и понемногу посещал иногда кое-какие студии "для взрослых" и даже, быть может, мог бы подзастрять в одном художественном училище, которое находилось на Сретенке (под названием, кажется, "1905 года"). Но в нем я пробыл очень мало. С первого курса был уволен "из-за внешнего вида". Плохое материальное положение решило исход моего пребывания там. Затем работал в парке "Сокольники" (после окончания художественного ремесленного училища работать пришлось в основном маляром). Всюду мне не везло, но рисование и живопись оставались неизменными занятиями. Наиболее интересны те живописцы, которые не утомляют ненужностью своих затей: Ван Гог, Рембрандт, Рубенс, мой учитель Леонардо да Винчи, Веласкес, Гойя, Ван Дейк, Саврасов,

Врубель, Рублев, Васильев, Ге, Кипренский, Иванов, Малевич, Кандинский, Боттичелли, Добиньи, Серов, Брюллов, Гоген, Констебль и многие другие, которых либо знаю по фамилии, либо просто не припоминаю. Что касается сверстников (из так называемых авангардистов), то лучшими являются все, потому что у всех есть будущее, настоящее или хотя бы прошедшее. Желаю счастливого всем художникам плавания и попутного ветра в творчестве! "

Итак, ясно, что отношения между прошлым и будущим, между классикой и авангардизмом были осмыслены и пережиты самим художником. Мы же сосредоточим внимание на его новациях в искусстве и постараемся определить, какое место он занимает в истории советского искусства 60-70-х годов.

Теперь, с временной дистанции, Зверев видится одним из последних, быть может, потому наиболее ярких воплощений самого "духа живописи" в русской художественной культуре, редкой вспышкой чисто живописного артистизма. Кроме того, он перебросил мост от художественных поисков начала века к нашему времени, воссоединив традиции русского авангарда с новейшими открытиями искусства Запада. Одновременно он представлял собой поток, в котором бурлила яростная энергия живописи, отстаивающая свое право на самоценность.

Это был поток неистовый, неуправляемый, перехлестывающий "поверх барьеров"- в том числе и направленных, дерзко пролагавший себе путь. Приход Зверева был отмечен всплеском безудержного личностного темперамента. Собственно, вся его жизнь прошла под знаком вдохновенного произвола - как в обращении с языком искусства, так и с видимым миром в целом.

Талант Зверева развивался стремительно и неукротимо. В его искусстве сплавлялись различные стили и художественные мировоззрения, и в этом ярком сплаве рождался бесконечно изменчивый, но все же всегда узнаваемый "зверевский стиль". Он формировался деформируя собственные поэтические привычки, непредсказуемо меняясь, играя на противоречиях и доверяя только стихийному наитию художественной воли. Наверно, потому Зверев непроизвольно создавал вокруг себя поле вдохновения, и резонанс его опыта ощутим до сих пор. Сам образ жизни сделал его частью истории отечественного авангарда уже на рубеже 50-60-х годов; из просто талантливого живописца Зверев превратился в символ свободного "неофициального" искусства. Независимый, неприкаянный, "гуляющий сам по себе", Зверев был ценен многими (ценим не сентиментально, а как живой факт культуры), но понимаем избранными - теми, кто способен разглядеть исключительное, -то, что как бы среди нас и еще не отчуждено пиететом музейности.

При всех житейских неурядицах и отсутствии в характере даже намека на высокопарность, в нем жило нечто титаническое. Борьба с цветом и желание цвета порождали центробежный размах энергии, ощутимой даже в самых камерных жанрах - в портрете, в пейзаже, в анималистике.

Зверев был завоевателем и первопроходцем, и одновременно - это был последний представитель "московско-парижской" пластической традиции, ведущей родословную от начала века. Во многом наследуя рафинированный колористический вкус московских "парижан", он сочетал как бы личное вчувствование в это блестяще-меркнувшее наследие, с анархией бунтаря, "созидающего" разрушение, стремящегося всегда и все делать иначе, по-своему, и всегда в одиночку. Воспринятую в культуре начала века утонченность цветосветовых вибраций он решительно очистил от всякого налета эстетизма и, напитав лиризмом и экспрессией, подарил лиризму новую жизнь. Следы былой культуры в его искусстве не исчезли бесследно, но каждый отклик традиции, каждый готовый прием напористо вовлечен в новое качество. "Наследник" не оставил камня на камне от устоявшихся живописных структур, преодолевая соблазн постфальковской "цветности", и далеко ушел вперед. Диапазон его приемов был чрезвычайно широк: от фовизма до параллелей абстрактному экспрессионизму.

Не чуждый контактов с искусством старины и веяний современности, он все же представлял собой небывалый тип русского художника, способного превращать в живопись буквально все, что попадало в поле его внимания. Говоря о его манере письма, необходимо отметить пристальное внимание, с которым художник относился к специфике избранного мотива. Разумеется, конкретный, исходный материал "донельзя" переплавлялся, но тем не менее всегда сохранял свою внутреннюю суть. Пейзаж оставался пейзажем, а портрет - портретом. Модель в этих его портретах никогда не переставала быть личностью, но по артистическому произволу вовлекалась в диалог с портретистами, подчиняясь желанию своевольного маэстро.

Из кипы полуслучайных сырых наблюдений -трофеев взгляда - Зверев энергично выжимал желанную суть, то очередное "ничто", которое и побуждало взяться за кисть. Быть может, поэтому так активны его

персонажи, будь то люди, растения или животные. В противовес другим художникам он не был домоседом "подполья", сам тип его духовности был окрашен иначе. верев всегда был готов к риску бегства от привычного. Все, что обрело устойчивость статики, не соответствовало его темпераменту. Ниспровергатель общепринятых норм и канонов, предельный индивидуалист и "безумец" , он в полном смысле слова освоил наследие авангарда начала XX века. Точно, хотя невзначай, откликаясь на актуальные веяния в искусстве, Зверев по-своему "досказал" историю русской модернистской классики и тем самым приоткрыл новые пути художества.

Материал предоставлен сайтом: www.art-critic-kuskov.com